



УДК 327(47:52)

Японский дрейфтерный промысел на Дальнем Востоке и российско-японские отношения в сфере рыболовства

А. С. Куклина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются исторические и современные аспекты российско-японских отношений в сфере рыболовства, а также анализируется использование рыболовного промысла в качестве инструмента двусторонней дипломатии. Особое внимание уделяется проблемам дрейфтерного промысла и морского браконьерства, которые за последние годы значительно сократили численность популяций лососевых на Дальнем Востоке. В заключении говорится о том, как сильно возросла роль экологического фактора в международных отношениях в последнее время.

Ключевые слова: дрейфтерный промысел, российско-японские отношения, российский Дальний Восток, морское браконьерство.

Введение

С 1 января 2016 г. вступили в силу поправки к Федеральному закону «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», запрещающие использование дрейфтерных сетей при осуществлении рыболовства в целях сохранения анадромных видов рыб, идущих на нерест в устья рек [10].

Главной целью поправок является необходимость сохранить дальневосточных лососевых, численность которых резко сократилась за последние 60 лет. Виной этому в первую очередь являются последствия неконтролируемого дрейфтерного промысла, который уже долгие годы ведется на российском Дальнем Востоке.

Эту инициативу называют одной из самых больших побед экологов в этом регионе, однако многие эксперты считают, что это решение продиктовано скорее внешнеполитическими мотивами, нежели соображениями защиты окружающей среды. Ведь в дальневосточных водах вели дрейфтерный рыболовный промысел в основном японские рыбаки, только последние несколько лет российские суда стали использовать дрейфтерные сети для коммерческого промысла, в 90-х гг. этот метод применялся в основном для лова в научных целях [2, с. 11].

По мнению некоторых аналитиков, присоединившись к антироссийским санкциям, Япония спровоцировала ответные меры с российской стороны. Дрейфтерный рыболовный промысел на Дальнем Востоке России, безусловно, одна из самых уязвимых точек в двусторонних отношениях, в первую очередь с экономической точки зрения. Однако автор законопроекта Валентина Матвиенко отвергла это предположение, объяснив возникнове-

ние инициативы исключительно экономическими и экологическими причинами, как способ поддержать прибрежные регионы и сохранить запасы ценнейших видов лососевых [14].

Необходимо отметить, что дрефтерный рыболовный промысел в открытом море уже долгое время запрещен в большинстве стран мира. В 1991 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, в соответствии с которой призвала все страны наложить мораторий на дрефтерный рыболовный промысел как на крайне негуманный способ лова.

Для того чтобы понять, почему дрефтерный лов считается настолько негуманным способом, нужно всего лишь обратиться ко второму названию сетей – «стена смерти». Лов ведется с промысловых судов – дрефтеров. В нем используются сети высотой до 12 м и шириной до 30 м, вместе связанные сети составляют иногда многокилометровые «стены», через которые ничто живое не проходит. Рыба, морские животные и птицы, попав в сети, запутываются в ячейках; при этом, пытаясь выбраться из них, часто наносят себе смертельные раны, поэтому большая часть уже погибает к моменту вылова. Другая часть гибнет, оказавшись выброшенной за борт за ненадобностью. Не является секретом тот факт, что многие рыбаки выходят в море только за определенным видом рыбы, в случае японских рыбаков – это нерка, которая пользуется огромным спросом в Японии, несмотря на высокую цену. Выбрав всю нерку из сетей, рыбаки часто выбрасывают остальной улов за борт, однако попавшие в сети рыбы и животные либо уже мертвы, либо сильно ранены. Объем добычи таким способом часто превышает все выданные государством квоты на вылов. Именно поэтому дрефтерный промысел уже долгое время находится под пристальным вниманием экологов.

Многие страны приняли законы о запрете лова как в открытом море, так и в 200-мильной экономической зоне еще в 90-х гг. прошлого века, либо ввели жесткую регламентацию этого способа – от длины сетевых порядков до периодов промысла [5, с. 13].

Инициативу поддержали, но не полностью, такие рыболовные державы, как Россия, США и Канада, которые не стали накладывать запрет на дрефтерный лов в своих исключительных экономических зонах.

США и Канада вели дрефтерный промысел для внутренних нужд, а не на экспорт, при этом жестко регламентируя количество ежегодного улова. Россия, будучи правопреемницей СССР, приняла к исполнению все рыболовные договоры Союза, включая договор с Японией в 1985 г. Поэтому 200-мильная экономическая зона Дальнего Востока России стала одним из главных направлений японского дрефтерного лова. Практически бесконтрольный лов велся возле берегов Сахалина, Приморья и Камчатки, нанося непоправимый вред не только рыбным ресурсам, но также морским животным и птицам. Но те последствия, которые мы наблюдаем сейчас, стали итогом деятельности японских и российских рыбаков не только в 90-е гг., история дрефтерного лова в российско-японских отношениях насчитывает гораздо больше, чем два десятка лет.

Японский промышленный рыболовный промысел на Дальнем Востоке России в начале XX в.

Российско-японский спор о правах на рыболовный промысел на Дальнем Востоке зародился более 150 лет назад. Начиная с первого российско-японского договора в 1855 г. стало понятным, что рыболовный вопрос будет одной из самых острых проблем в двусторонних отношениях. Первые серьезные шаги по урегулированию этого спора были сделаны в 1875 г., когда Россия по Санкт-Петербургскому договору получила весь Сахалин, оставив за японцами право еще в течение 10 лет вести промысел лосося возле сахалинских берегов. К моменту подписания договора японцы уже долгое время вели лов возле берегов Сахалина, поэтому соглашение не поколебало позиций японцев, а только укрепило их желание расширить свои рыболовные участки, выбрав своей следующей целью побережье Камчатского полуострова. Изначально они скупали рыбу у российских рыбаков и переправляли ее в Японию, но в дальнейшем, заключив первые договоры с русскими промышленниками на Дальнем Востоке, начали арендовать рыболовные участки в российских территориальных водах, наладив там свой собственный промысел [12, с. 251].

Японские рыбопромышленники значительно преуспели в своей деятельности, расширив сферу своего влияния на весь Дальний Восток. Русско-японская война 1904–1905 гг. не остановила японский рыболовный промысел в этом регионе, скорее, открыла новую страницу в истории российско-японских рыболовных отношений. Портсмутский мирный договор обязал проигравшую Россию заключить с Японией рыболовное соглашение, предоставив тем самым японским рыбакам право вести рыболовный промысел вдоль русских берегов в Японском, Охотском и Беринговом морях [8, с. 52].

Эта рыболовная конвенция, подписанная в 1907 г., дала японским рыбопромышленникам право лова всех видов рыбы и морепродуктов, кроме морских котиков и каланов, вдоль побережий указанных выше морей. Серьезный спор разгорелся вокруг рыболовных участков в реках и бухтах. Российская сторона настаивала на запрете деятельности японских предприятий во внутренних российских водах, ограничив их только морскими участками: «Самые ожесточенные споры в ходе переговоров вызвало настойчивое желание иметь одинаковые с российскими подданными права на ведение рыболовства в российской прибрежной зоне за исключением бассейнов рек, являющихся экономической основой существования коренных народностей. Российская же сторона пыталась максимально широко трактовать границы бухт и рек, подпадавших под «исключение», и максимально ограничить размеры территорий, в которых японцы получили право на рыболовство» [1].

Желание сохранить бухты и реки за собой вполне объяснимо – русские рыбопромышленники не могли составить полноценную конкуренцию японцам. Тому было много причин – начиная с медленного развития региона в данный период времени, заканчивая недостаточной оснащенностью русских рыболовных судов и отсутствием рыбопромышленного капитала, который мог бы тягаться с японским. Однако даже принятые меры не смогли огра-

доть российскую дальневосточную рыбопромышленность от жесткой конкуренции. Первые торги за аренду рыболовных участков показали абсолютное превосходство японских рыбопромышленников. С японской стороны принимали участие 57 предпринимателей, с российской стороны участвовали 20 человек. Итогом этой встречи стал ошеломительный успех японцев, которые смогли арендовать 87 рыболовных участков, в то время как русские выиграли с торгов только 6 районов. А через год российские рыбопромышленники и вовсе не смогли составить конкуренцию на торгах, поэтому участия не принимали, японцы же получили в аренду 119 участков [1].

За десятилетие японцы только нарастили объемы лова, к 1917 г. они добывали уже в пять раз больше рыбы, нежели в 1907 г., большая часть которой шла на экспорт в европейские страны. Началось объединение мелких японских рыбных предприятий в крупные акционерные общества, чему способствовала поддержка японского правительства [12, с. 252].

Великая Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война значительно дестабилизировали ситуацию в российской рыболовной промышленности, чем не преминула воспользоваться Япония. Японская рыбопромышленная отрасль значительно обогатилась за счет широкомасштабного промысла в прибрежных зонах Дальнего Востока.

К 1922 г. советская власть полностью утвердилась на Дальнем Востоке, положив тем самым конец открытой деятельности японских рыболовов. Так как Япония официально не признала СССР и не вступила с ним в дипломатические отношения, первый стратегический шаг сделал Советский Союз, когда в 1923 г. аннулировал все соглашения, касающиеся рыболовства или промысла морского зверя на Дальнем Востоке. Японские промышленники могли продолжать участвовать в торгах за аренду рыболовных участков, но приоритет отдавался представителям тех стран, с которыми у Союза уже был договор, тем самым провоцируя Японию заключить договор [19, с. 241].

«Российско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений» была заключена уже в 1925 г., став первым шагом к созданию нового рыболовного соглашения. В ст. конвенции говорится, что рыболовная конвенция 1907 г. будет пересмотрена, а до тех пор Советский Союз будет придерживаться политики, начатой в 1923 г. [19, с. 243].

Переговоры длились три года и в 1928 г. была заключена новая российско-японская рыболовная конвенция на 12 лет, после истечения этого срока она должна была продлеваться каждый год. Условия конвенции во многом были такие же, как и в первом договоре: японцы имели возможность вести промысел на тех же самых арендованных российских морских участках (в отличие от первой конвенции, было разрешено сдавать участки в аренду без предварительных торгов), что и раньше, арендная плата оставалась такой же [1]. Позже аналогичный договор был заключен в 1932 г. Так же как и в первой конвенции, в нем строго оговаривалось, что рыболовные участки в реках и бухтах могут быть арендованы только советскими промышленниками, японцам же доставались морские участки.

Этими мерами советское правительство хотело оградить дальневосточную рыбную промышленность от неизбежной конкуренции с японской. Но не была учтена самая главная деталь – за несколько десятилетий японцы очень хорошо изучили дальневосточные рыболовные участки и вели промысел уже не маленькими рыболовными фирмами, а акционерными обществами, капитал которых стал отправной точкой для создания многочисленных японских рыбообрабатывающих заводов на территории Дальнего Востока [8, с. 93].

Несмотря на все усилия советского правительства, 30-е гг. стали одним из самых успешных десятилетий в рыболовной отрасли Японии. Важную роль здесь сыграл новый метод лова, который японцы начали активно использовать после подписания второй рыболовной конвенции, – лов дрифтерными сетями.

Начало японского дрифтерного промысла лосося в советских водах (1930–1956 гг.)

С начала 30-х гг. японские рыбаки начали активно применять новый способ лова с помощью дрифтерных сетей. До этого они долгое время использовали неводы, но, как уже было сказано ранее, за несколько десятилетий значительно укрепили свои позиции и отлично изучили дальневосточные воды, поэтому увеличение улова было всего лишь вопросом времени.

Японцы одни из первых в мире стали использовать практику соединения сетей в целые порядки, достигавшие порой несколько десятков километров, и пускать их по пути миграции лосося [5, с. 15]. Оценив эффективность данного метода, они занялись изучением путей миграции лосося, чтобы иметь полное представление, где и когда лучше всего выставлять сети. На это ушло немало времени, но в условиях протекционной политики советского правительства в отношении дальневосточной рыболовной промышленности у японцев не оставалось иного выхода, кроме как прибегнуть к созданию целого рыбопромышленного флота, который включал в себя не только суда-дрифтеры, но и плавучие базы по переработке рыбы и других морских существ. К середине 30-х гг. в дальневосточных водах действовало 300 промысловых судов и 16 плавучих баз, особенно большое скопление судов наблюдалось возле берегов Камчатки [2, с. 26].

Промысел активно велся с мая по сентябрь, но основная нагрузка падала на летние месяцы, когда рыба шла на нерест. В течение нескольких лет активного летнего промысла были значительно подорваны запасы камчатского лосося, и если японские показатели держались на определенной отметке, то для местного населения наступила черная полоса, когда рыбы не хватало даже на собственные нужды, не говоря уже о переработке и продаже [2, с. 26].

Все же, ведя дрифтерный промысел в течение нескольких лет, японские рыбаки и ученые стали наблюдать сокращение размера ежегодного улова, в котором все чаще попадался молодняк и небольшие особи, что стало при-

знаком сокращения популяций и первым результатом использования дрейферных сетей [4]. С каждым годом их обнаруживалось все больше.

Относительным плюсом в этом вопросе стало то, что японцы могли вести промысел только в открытом море, а не в бухтах и устьях рек – зонах советских рыбопромышленников. В открытом море, даже несмотря на длину сетей, многие особи могли преодолеть эту преграду и прийти на нерест, но в устье раскинуть дрейферные сети гораздо проще, в этом случае практически весь лосось попадался в сети и не приходил на нерест. В 30-х гг. советские рыбаки не практиковали дрейферный лов, а пользовались привычными прибрежными орудиями лова, поэтому значительные запасы лосося остались в сохранности.

К началу Второй мировой войны сконцентрировавшиеся возле Камчатки и севернее Курильской гряды суда-дрейферы добывали ежегодно по 22–23 тыс. т лосося, который сразу перерабатывался на базирующихся неподалеку плавбазах [2, с. 27].

Развернувшиеся военные действия в Тихом океане сильно ограничили деятельность японского рыболовного флота, а война с СССР полностью ее прекратила. После окончания войны Японии было разрешено вести рыболовный промысел только в 12-мильной зоне своих территориальных вод, которая вскоре была увеличена и стала называться «линией Макарура». Хотя этот морской участок не достигал и половины довоенной территории, японцы снова смогли вести промысел в открытом море [7, с. 176]. За следующие шесть лет японская рыболовная промышленность была полностью реорганизована, рыболовные ассоциации были ликвидированы и уступили место кооперативам, которые были призваны снизить нагрузку на прибрежное рыболовство Японии [7, с. 182].

Вскоре положение изменилось, после подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. и «Конвенции о рыболовстве в северной части Тихого океана» в 1952 г. Япония вновь смогла вести рыболовство в Тихом океане. Первый договор сделал это возможным, вторым же договором США и Канада обезопасили собственный промысел в северо-восточной части Тихого океана от японских дрейферных сетей, направив тем самым их в западном направлении, к советским берегам [7, с. 183].

В 1952–1955 гг. в дальневосточных водах находились 15 плавучих баз с 407 промысловыми судами. За этот промежуток выловлено 116 тыс. т лосося, из которого было изготовлено более полутора миллионов ящиков консервов [2, с. 27]. Позже этот период назовут началом дрейферной катастрофы, которая уничтожила основные рыбные запасы Дальнего Востока и razорила десятки советских рыбопромышленных кооперативов и предприятий.

На тот момент эта катастрофа стала всего лишь частью общемировой тенденции к увеличению вылова рыбы по всему миру, вне зависимости от способа. С 50-х гг. вылов в целом прирастал на 5,6–6 % каждый год, если в 1950 г. объем добычи составлял примерно 17 млн т, то уже к 1980 г. он вырос до 75 млн т, т. е. больше чем в четыре раза. В полной мере последствия этого смогли оценить только к концу XX в. [3, с. 36].

В данной ситуации только вмешательство сверху могло остановить дрефтерный промысел. 21 февраля 1956 г. Министерство рыбного хозяйства СССР объявило об установлении ограничения промысла лососевых в Беринговом море, в западных водах Охотского моря и к северу от южной части Курильской гряды [7, с. 205]. Этот шаг стал полной неожиданностью для японского правительства, которое уже в марте отправило свою делегацию в Москву для ведения переговоров.

Японский дрефтерный промысел во второй половине XX в.: пик и спад

Первый этап переговоров прошел безуспешно, главным препятствием послужила территориальная проблема. Но так как рыболовный вопрос являлся одним из наиболее важных в сложных советско-японских отношениях, был начат второй раунд обсуждений.

В апреле в Москву для ведения переговоров прибыл японский министр сельского и лесного хозяйства Итиро Коно. Многие считают, что именно его назначение как главы делегации стало залогом успеха в подписании договора, так как еще до начала своей политической карьеры он долгое время работал с представителями крупнейших японских рыболовных компаний и таким образом смог пролоббировать их интересы [18, с. 63]. Необходимо особо подчеркнуть этот факт, потому что в дальнейшем часто наибольшую поддержку в вопросах урегулирования российско-японских отношений японское руководство получало от рыболовных кругов Японии [6, с. 115]. И не только со стороны больших компаний, но и со стороны небольших рыбацких фирм. Для многих рыбаков из таких городков, как Нэмуру или Вакканай, гораздо важнее территориальной проблемы была возможность доступа к советским морским участкам [17, с. 144].

Именно из-за желания рыболовных кругов и заинтересованности Союза использовать промысловый вопрос в дальнейших переговорах, был подписан новый договор – «Конвенция о рыболовстве в открытом море и северо-западной части Тихого океана», по которой устанавливалась территория лова, а также квоты на вылов лососевых. В 1956 г. эта цифра составила 65 тыс. т. Самым серьезным результатом переговоров стало создание Советско-японской рыболовной комиссии, которая должна была ежегодно устанавливать квоты и следить за исполнением конвенции. Через несколько лет после создания комиссии обозначились первые противоречия. Японская сторона запрашивала квоты, которые СССР урезал практически вдвое [7, с. 207].

Однако это не помешало достичь японскому дрефтерному промыслу своего пика как раз в 60–70-х гг. В этот период на советский дальневосточный рыболовный флот приходится самые низкие показатели добычи лосося за всю историю лова (350–400 тыс. т) [2, с. 29]. Причиной тому стало превращение японского рыболовного флота в самый передовой в мире и продвижение страны на лидирующие позиции в мировом рыболовном рейтинге. Так Н. К. Куцобина описывает японский рыболовный флот 70-х гг.: «Япония обладает мощным и диверсифицированным промышленным производ-

ством, которое в состоянии обеспечить рыбное хозяйство всеми необходимыми техническими средствами. Самое передовое в мире судостроение предоставляет рыболовству суда разнообразного целевого назначения, начиная от мелкого, так называемого «москитного флота» до плавучих заводов, перерабатывающих сырье непосредственно в море» [7, с. 11].

Улов Японии в 1974 г. составил 15,5 % от всего объема мирового рыболовного промысла в том году. Это время можно считать пиком, после которого наступил резкий спад во всем мировом рыболовном промысле [4].

1970-е гг. разительно отличались от того времени, когда рыболовная промышленность только начинала превращаться в один из инструментов мировой политики. Если раньше ограничения на промысел накладывались только со стороны государств, которые хотели заключить рыболовный договор, то теперь все чаще звучали голоса представителей экологических организаций.

Первые природоохранные движения зародились во второй половине XX в. в США и долгое время не выходили за пределы Северной Америки, но даже тогда Япония уже находилась под их пристальным вниманием, в первую очередь из-за своего китобойного промысла. Дрифтерная же проблема лишь усугубила положение. Все чаще звучали призывы к ограничению либо запрету этого вида лова [15, с. 153].

С введением в 1976–1977 гг. 200-мильной экономической зоны многие государства столкнулись с серьезными ограничениями в своей рыболовной деятельности, изменились промысловые районы [15, с. 155].

Несмотря на заключение в 1978 г. нового рыболовного договора с Японией, СССР ввел новые ограничения на квоты и на размер промысловых участков, значительно ослабив позиции Японии в северо-западной части Тихого океана.

Последующее за введением исключительной экономической зоны десятилетие было ознаменовано подписанием многочисленных договоров и конвенций по охране мировых рыбных ресурсов и морских животных. Самой большой победой экологических организаций можно считать создание универсальной Конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 г. [17, с. 143].

В связи со структурными изменениями во внешней политике СССР пошел на сближение со многими капиталистическими странами, в том числе и с Японией. В рыболовной сфере было подписано два ключевых договора – «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережий обеих стран» в 1984 г. и «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Японии о сотрудничестве в области рыбного хозяйства» в 1985 г. На основе этих соглашений была создана совместная российско-японская комиссия, которая занималась вопросами промысла лосося. За использование российских запасов лососевых японская сторона обязывалась платить денежную компенсацию на восстановление рыболовных участков и поддержание численности лосося. Практика оплаты за использование рыбных ресурсов страны стала применяться после введения 200-мильной экономи-

ческой зоны. Любой рыболовный флот мог начать промысел только после официального согласия на отчисление доли доходов прибрежному государству, своего рода форма оплаты за право доступа к участкам [3, с. 48]. Еще в начале XX в. за пользование рыболовными участками другого государства рыбопромышленникам приходилось платить не только аренду, но и своеобразные отчисления. Однако формулировка оплаты «на восстановление и поддержание» возникла гораздо позже.

СССР участвовал в подписании многих резолюций и договоров, направленных на сохранение мировых запасов морских биоресурсов, на стадии разработки находилось еще больше. После распада Союза Россия приняла на себя исполнение всех договоренностей, но из-за внутривнутриполитического кризиса и внешнеполитических проблем было практически невозможно бороться с медленным затуханием отечественного рыболовства. На Дальнем Востоке рыбообработывающие кооперативы закрывались один за другим, начался расцвет браконьерства дрифтерным способом, но уже не только со стороны японцев, русские рыбаки также стали использовать этот метод.

Дальневосточный дрифтерный промысел на современном этапе

Браконьерство в российско-японских отношениях существовало всегда, особенно это касалось дрифтерного промысла. При всех уступках и достаточно больших квотах на улов японские суда довольно часто нарушали границу территориальных вод сначала СССР, а в дальнейшем и России. Пик пришелся на конец 80-х – начало 90-х гг. В 1987 г. было зарегистрировано 5509 нарушений, в 1988 г. – 8405, в 1989 г. – 10 139 [10, с. 61]. Разрешить ситуацию было призвано новое соглашение, в 1992 г. заключена конвенция «О сохранении запасов анадромных рыб в северной части Тихого океана», подписали ее четыре страны, рыболовство которых в основном сосредоточено в этой части океана, – Канада, США, Россия и Япония. В конвенции обговаривался запрет вести дрифтерный промысел за пределами своих 200-мильных экономических зон.

В этом же году Россия разрешила вести Японии дрифтерный промысел в некоторых участках своей экономической зоны в Беринговом море и возле западного побережья Камчатки. Ежегодно российско-японская рыболовная комиссия должна была выдавать квоты японским рыболовным компаниям и назначать своих наблюдателей на рыболовные судна. До начала 2000-х гг. ежегодный улов японских дрифтерных судов колебался от 13 до 18 тыс. т. Российская сторона в это время использовала дрифтерные порядки для лова в научных целях, их ежегодная квота составляла около 4–6 тыс. т [5, с. 16].

В основном эти меры должны были способствовать сокращению деятельности браконьерских судов в российских водах, но нарушения повторялись с завидной частотой, поэтому российские пограничники стали использовать оружие в ежедневных рейдах. В результате за период с начала 90-х гг. и по сегодняшний день произошло несколько серьезных столкновений. Неоднократно были задержаны японские рыболовные судна, рыбаки могли оставаться под стражей, пока штраф за незаконное вторжение не был пога-

шен. В 2006 г. в результате столкновения был убит японский рыбак. В непростых российско-японских отношениях такие стычки играют роль катализаторов в очередном споре, и, несмотря на все усилия дипломатов, ситуация с годами кардинально не меняется, меняются участники.

Так писал А. Н. Панов про браконьерство в российско-японских отношениях в 90-х гг.: «В торгово-экономической сфере российско-японских отношений есть только одно «совместное предприятие», которое в значительных объемах и весьма прибыльно для его участников осуществляет свою деятельность» [10, с. 169]. Развитие теневого бизнеса значительно повлияло на рыболовную отрасль, российские браконьеры ежедневно заходили в порты Хоккайдо, чтобы продать свой улов. Это могло стать одной из причин сокращения размера улова японских дрейферных судов в 2000-х гг. до отметки в 5 тыс. т. Им просто не нужно было выходить в море и подвергать себя опасности в случае столкновения с российскими пограничниками. А также японская сторона начала отказываться от квот на некоторые рыболовные участки [2, с. 36]. Судить о размахе браконьерского промысла можно было по различию в статистических данных таможенных служб России и Японии – расхождение составляло более 1,5 млрд долл. в год [10, с. 170]. Таким образом, большая часть российского улова уходила на экспорт в Японию, минуя налоги и таможенный контроль. Но это не означало приостановку японского дрейферного промысла, многие рыболовецкие районы зависели от этой деятельности, поэтому диалог российско-японской рыболовной комиссии не прекращался ни на год. В 2007 г. были введены многочисленные изменения: во-первых, наблюдатели больше не могли присутствовать на рыболовецких судах, все наблюдения велись только со специальных судов морской инспекции; во-вторых, строгой регламентации подверглась длина порядков, она не должна была превышать 32 км, в целях сохранения запасов анадромных рыб [5, с. 17].

Нововведения должны были играть роль строгой регулирующей силы в дрейферном промысле, но ожидания разошлись с действительностью. И японские, и российские рыбаки систематически нарушали эти правила. Неподобно были задержаны японские суда-дрейферы, на борту которых находилось намного больше восьми разрешенных порядков сетей. Российские же рыбаки с большим успехом экспортировали свой улов, обходя при этом таможню. Далее будут представлены всего лишь несколько примеров этой деятельности. До января 2009 г. большая часть улова, добываемого за пределами 10-мильной зоны, экспортировалась из районов промысла, минуя таможенный контроль [9, с. 180]. Весь нелегальный улов уходил в основном в Японию, при этом он составлял 60 % от всего российского улова, а российские рыбаки получал только 70 % от предполагаемой стоимости [16, с. 68].

В 2010 г. из научного разряда в коммерческий перешел российский дрейферный промысел. Квоты были разделены примерно пополам между российскими и японскими рыбаками, обеим сторонам было разрешено вылавливать до 22 тыс. т лосося в год. Однако все чаще наблюдатели начали замечать значительные превышения разрешенных квот лова как российскими судами, так и японскими [13].

Заключение

Предложенная в 2015 г. инициатива Валентины Матвиенко о запрете дрифтерного лова должна была в первую очередь прекратить превышение разрешенного лова и избавить дальневосточную рыбную промышленность от жесткой конкуренции с японскими рыбаками. Принятый в итоге закон не запретил японскую рыболовную деятельность в экономической зоне России, запрет коснулся только использования дрифтерных сетей, то же самое касалось и российских судов. По этому вопросу разразились многочисленные споры – и японцы, и русские высказывали свое сожаление и подсчитывали предполагаемые убытки, экологи ликовали [14].

Рыболовная деятельность зависит от многих факторов, в первую очередь, конечно, природных, но с каждым годом растет влияние человеческого фактора, к сожалению, в негативном русле. Загрязнение вод промышленными отходами, транспортировка нефти, бесконтрольный промысел – все это может нанести серьезный вред морским биоресурсам. Дрифтерный лов был всего лишь одним из пунктов, но исключение хотя бы одной строки из длинного списка – уже большая победа в борьбе за сохранение мировых морских биоресурсов.

Это не означает, что рыболовный промысел необходимо остановить, наоборот, к нему нужно относиться с особым вниманием как к одному из элементов мировой продовольственной безопасности. Для поддержания численности биоресурсов необходимо всего лишь контролировать параметры лова, в ином случае будет нанесен непоправимый урон целым популяциям рыб и морских животных.

История японского дрифтерного промысла на Дальнем Востоке России показывает, как всего лишь промысловый метод может повлиять на экономические и экологические показатели целого региона. И запрет этого метода в России – это в первую очередь победа над негуманным способом добычи, которая спасет жизни тысяч морских животных и птиц, десятилетиями по случайности попадавших в сети и погибавших в них.

Список литературы

1. *Акира Судзуки*. Японо-Российские и Японо-Советские отношения в области рыболовства в период до Второй Мировой войны [Электронный ресурс] // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. – URL: <http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/questhist/ist-2.htm>.
2. *Артюхин Ю. Б.* Прилов морских птиц и млекопитающих на дрифтерном промысле лососей в северо-западной части Тихого океана / Ю. Б. Артюхин, В. Н. Бурканов, В. С. Никулин. – М. : Скорость цвета, 2010. – 264 с.
3. *Дворянков В. А.* Рыболовство России накануне перемен / В. А. Дворянков. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 179 с.
4. Дрифтерный лов тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне Российской Федерации // Общероссийский информационный ресурс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fishkamchatka.ru/?key=,problem&con=drift&drift=pro&dat=sci&num=0003>.
5. Коммерческий дрифтерный промысел тихоокеанских лососей и его влияние на экосистему моря / под ред. В. А. Спиридонова, Н. Г. Николаева. – М., 2004. – 64 с.

6. *Крупяно М. И.* Политика Японии в отношении России в период правления Ельцина: первая половина 1990-х гг. – Окаяма : Ун-т Окаяма, 1993. – 138 с.
7. *Куцобина Н. К.* Рыбное хозяйство Японии / Н. К. Куцобина. – М. : Наука, 1979. – 260 с.
8. *Мандрюк А. Т.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока, 1927–1940 гг. / А. Т. Мандрюк. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – 156 с.
9. *Минакир П. А.* Региональная экономическая динамика: Дальний Восток / П. А. Минакир, О. М. Прокапало. – Хабаровск : ДВО РАН, 2010. – 299 с.
10. О внесении изменения в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507010004?index=0&rangeSize=1>.
11. *Панов А.* Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX начале XXI в.: достижения, проблемы, перспективы / А. Панов. – М. : Известия, 2007. – 311 с.
12. *Пестушко Ю. С.* Японский рыбопромышленный капитал на Дальнем Востоке России (начало XX в.) // Тихоокеанская Россия в истории Российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятое Крушановские чтения / под ред. Л. И. Галлямова. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – 481 с.
13. Позиция WWF России по широкомасштабному дрейфтерному промыслу в исключительной экономической зоне России [Электронный ресурс] // Всемирный фонд дикой природы в России: официальный сайт. – URL: <http://www.wwf.ru/about/positions/drifter>.
14. *Alastair Wanklyn.* No politics behind Russia drift net ban: experts [Electronics recurs] // The Japan Times. – URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/07/05/national/politics-diplomacy/politics-behind-russia-drift-net-ban-experts/#.VyrYQ7CzDDt>.
15. *Douglas M. Johnston.* Mark J. Valencia. Fisheries // The Russian Far East in transition: opportunities for regional economic cooperation / edited by Mark J. Valencia. – Boulder, Colo : Westview Press, 1995. – 243 p.
16. Economic cooperation between the Russian Far East and Asia-Pacific countries / ed. by P. A. Minakir. – Khabarovsk : RIOTIP, 2007. – 185 p.
17. Japan and the Pacific quadrille: the major powers in East Asia / ed. by Herbert J. Ellison. – Boulder : Westview Press, 1987. – 252 p.
18. *Kimie Hara.* Japanese-Soviet/Russian relations since 1945: a difficult peace / Н. Kimie. – London ; N. Y. : Routledge, 1998. – 279 p.
19. *Yakhontoff Victor.* Russia and the Soviet Union in the Far East / V. Yakhontoff. – Westport, Conn. : Hyperion Press, 1931. – 454 p.

Japanese Drift-net Fishing in the Russian Far East and Russia-Japan Fisheries Relations

A. S. Kuklina

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines historical and contemporary aspects of Russia-Japan fisheries relations and analyzes the use of fishery as an instrument of bilateral diplomacy. A special attention is paid to the problems of drift-net fishing and marine poaching, which in the recent years have significantly reduced populations of salmon in the Far East. In conclusion the author highlights the recent impact of environmental factors on international relations.

Keywords: drift-net fishing, Russia-Japan relations, the Russian Far East, marine poaching.

Куклина Александра Сергеевна
аспирант, кафедра мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-19-74
e-mail: kuklinashura92@mail.ru

Kuklina Aleksandra Sergeevna
Postgraduate, Department of World
History and International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-19-74
e-mail: kuklinashura92@mail.ru